

Сделаем Бога политкорректным?

К.С. Шаров

В статье изучен вопрос о так называемых гендерно-инклюзивных, или гендерно-нейтральных, английских переводах Библии, используемых в современной англиканской проповеди. Вопросы, связанные с включением женщин и представителей нетрадиционной гендерной ориентации в церковный дискурс в современном протестантизме выдвинул ряд серьезных проблем, одной из которых является правомочность новых гендерно-инклюзивных филологических приемов проповеди и компиляции новых английских версий Библии, в которых используются принципы и нормы политкорректности и «неоскорбительного» языка. Проанализированы следующие стратегии лингвистической гендерной нейтрализации священных текстов с целью конструирования гендерно-инклюзивной проповеди: 1) устранение архаичных местоимений; 2) подмена личных и притяжательных местоимений *he, him, himself, his* местоимениями женского грамматического рода или местоимениями множественного числа; 3) элиминация слов «мужчина», а также степеней родства, относящихся к мужскому полу («отец», «сын», «брат»); 4) введение женственности в понятие Бога. Показано, что данные стратегии объединены стремлением не только устранить мужской грамматический род из библейских текстов, но и пересмотреть понимание Бога и божественной природы. Делается вывод о радикальном изменении филологических и лингвистических приемов в современной англиканской проповеди по сравнению с классическими христианскими гомилетическими приемами. Иногда такие гомилетические нововведения ведут к еретическим выводам с позиций классического англиканского богословия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гендерно-инклюзивная Библия, политкорректность, гендерно-нейтральный язык, перевод, христианская проповедь.

ШАРОВ Константин Сергеевич – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет, Москва, 119991, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.

Кандидат философских наук, старший преподаватель философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

const.sharov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15 мая 2019 г.

Цитирование: *Шаров К.С.* Сделаем Бога политкорректным? // Вопросы философии. 2019. № 6. С.86–96.

Может ли некто из человеческого рода, ребенок Бога Отца-Матери, находящийся где-то там вверху, нас спасти?

Дэвид Нефф. Затерянные в переводе

Введение

Наше время характеризуется идущим по всем фронтам наступлением идей политической корректности. Различные сферы культуры подвергаются ревизии на предмет, корректны ли они политически и не ущемляют ли прав различных меньшинств.

А если оказывается, что ущемляют, то их чаще всего начинают перестраивать на новый лад. Христианская проповедь на Западе в конце XX — начале XXI вв., особенно в рамках протестантских деноминаций, также во многом изменяется в соответствии с нормами и требованиями политкорректности: переделываются как язык, так и содержание, дабы первый был неоскорбительным, а второе соответствовало идее всеобщего равенства. Новые стилистические и лингвистические приемы христианской проповеди опираются на новые политически корректные версии Библии.

Пересмотр текстов Священного Писания сопровождается отказом в рамках современного протестантизма от ряда фундаментальных христианских теологических и этических установок. Целью данной статьи будет анализ стратегий изменения текстов английской Библии для нужд новой гендерно-инклюзивной политкорректной англиканской проповеди в Великобритании, США и странах Британского Содружества и понимание, насколько подобные изменения приемлемы для христианского богословия.

Почему я сосредотачиваюсь именно на английских переводах Библии? Поскольку: 1) в мире они самые распространенные и многочисленные; 2) для большинства нехристиан они могут служить репрезентативным показателем христианских идей; 3) тенденции политической корректности к настоящему моменту затронули английские версии Библии в наибольшей степени; 4) английские версии Библии могут являться некоторым пропедевтическим примером того, чего можно ожидать в будущем при гендерно-инклюзивных изменениях переводов библейских текстов на другие языки.

Появление гендерно-инклюзивных переводов Библии

В современности нет единственной «верной», или «авторизованной» версии английской Библии, каковыми являлись Библия Уиклифа (XIV в.) или Библия короля Якова (XVII в.) в предшествующие эпохи. Параллельно с традиционными английскими версиями библейских текстов существуют и широко используются новаторские варианты английской Библии, бесспорное лидерство среди которых по популярности в англосаксонском мире принадлежит гендерно-инклюзивным переводам.

Что это за переводы? Инклюзивным (гендерно-инклюзивным, гендерно-включенным, гендерно-нейтральным или гендерно-всеобщим) называют такой перевод Библии на английский, который в большей или меньшей степени использует и реализует принципы политической корректности и гендерно-нейтрального языка. Как понимают политическую корректность ее сторонники? Они утверждают, что это — понятие, описывающее язык, идеи, политику и поведение, нацеленные на минимизацию социального и/или институционального оскорбления в вопросах профессиональной жизни, гендера, расы, культуры, сексуальной ориентации, религиозной веры, инвалидности и возраста. Однако зачастую оказывается, что под красивым фасадом определения политкорректности скрываются не столь уж благовидные практики манипулирования общественным сознанием (см.: [Шаров 2010, 31–32]).

Первой попыткой сделать из священного текста гендерно-инклюзивный вариант можно считать изданный в 1979 г. в Аризоне «Инклюзивный псалтирь для христианских народов» [Lathrop, Ramshaw 1993]. Рон Минтон [Minton 2003 web, 144–145] приводит следующий список широко используемых в анлоговорящем мире гендерно-инклюзивных английских версий Библии, существовавших на 2003 г.:

1. *An Inclusive Language Lectionary* (National Council of Churches, 1983).
2. *New Jerusalem Bible* (NJB, 1985).
3. *New Century Version* (NCV, 1986, 1987, 1988).
4. *New American Bible* (NAB, 1988 and 1990).
5. *Revised English Bible* (REB, 1989).
6. *New Revised Standard Version* (NRSV, 1989).
7. *Good News Bible* (GNB, 1992).
8. *The Message* (1993).
9. *The New International Reader's Version* (1994, 1996, 1998).
10. *The Inclusive New Testament* (Priests for Equality, 1994).
11. *Contemporary English Version* (CEV, 1995).

12. *God's Word* (GW, 1995).

13. *New International Version Inclusive Language Edition* (NIVI, 1995; была напечатана только в Великобритании).

14. *New Testament and Psalms: An Inclusive Version* (Oxford University, 1979).

15. *New Living Translation* (NLT, 1996).

16. *New English Translation* (NET Bible, 1998).

17. *Today's New International Version* (2001, гендерно-инклюзивная версия NIV).

Данный список уже сам по себе способен произвести впечатление, особенно если учесть, что с 2003 до 2019 г. он еще пополнился по крайней мере четырнадцатью изданиями. Как пишут авторы «Инклюзивной Библии» 2009 г., составление любой версии гендерно-инклюзивной Библии преследует, в основном, две цели: пересмотреть то, как мы понимаем Бога, и то, как мы относимся друг к другу [The Inclusive Bible 2009, VI].

Ключевым, скорее всего, здесь является слово «пересмотреть». Элизабет Мольтман-Вендель полагает, что нужно пересмотреть веками закрепляемые в священных текстах стереотипы мужского господства [Мольтман-Вендель 1991, 95–96]. Ольга Воронина придерживается сходной точки зрения, согласно которой язык Библии и христианской проповеди привел к вытеснению представлений о богине-Матери и замещению их патриархальной фигурой Бога-Отца, и, следовательно, нуждается в пересмотре и гендерной коррекции [Воронина 2007, 58, 61].

Главными областями лингвистического и стилистического пересмотра Писаний считаются сферы феминизма и ЛГБТ-дискурса. Основной задачей составления и распространения новых гендерно-инклюзивных Библий, по словам их авторов, является «...достижение максимального равноправия, отсутствие дискриминации и извечной патриархальной несправедливости, закрепленной в традиционной Библии... указание всем, что истинное христианство принимает любого верующего... расширение горизонтов понимания Божества, отказ от насаждаемой концепции Бога как патриархального отца семейства, как царя верующих, управляющих их судьбами» [Ward 1994, 320].

Подмена личных и притяжательных местоимений

Преподобный Кен Коллинз [Collins web] указывает, что случаи применения гендерно-инклюзивного языка по устранению маскулинности грамматического рода в притяжательных местоимениях в священных текстах можно условно разделить на две группы:

1) Когда мы хотим обобщить «натуральный гендер» (биологический пол), и это не вызывает изменения семантики фразы, например, в словосочетании «*a member of the Church and his participation in its life*» («член церкви и его участие в ее жизни») мы можем местоимение *his* заменить на *their*. Это автоматически включит женщин в число подразумеваемых членов церкви. Поскольку данная ситуация реальна и не противоречит логике, то, с точки зрения Коллинза, такая лингвистическая замена может быть вполне оправдана.

2) Когда мы вопреки законам логики ставим определенному мужскому лицу в соответствие женское притяжательное местоимение для того лишь, чтобы искусственно бороться с грамматическим родом — например, говорим «*Moses and her rod*» («Моисей и ее жезл»). По словам Коллинза, здесь имеет место чисто феминистский произвол, который не может быть оправдан ничем.

Последний вариант «правки» библейского текста представляет собой лингвистический нонсенс, который, тем не менее, реализован в ряде «крайне инклюзивных» переводов, таких как, например, «Библия королевы Якова для ЛГБТК». Аргументация авторов такова: «...раз даже по отношению к Богу мы не должны быть уверены, что Он не имеет облик черной женщины... то по отношению к персонажам Библии — тем более... Поэтому Моисей вполне мог быть женщиной (возможно, афроамериканкой — поскольку сейчас существует множество темнокожих представителей иудаизма), и это было искусственно затушевано маскулинным древнееврейским языком» [Ringer web]. Безусловно, такие сильные искажения священных текстов вызывают удивление.

Первый вариант «правки» не столь радикален, хотя и не столь прост. Во второй половине 1980-х Экуменический всемирный совет церкви постановил, что необходим выпуск новой английской гендерно-инклюзивной версии Библии, поскольку «...чувствовалась нужда в новой версии из-за опасностей лингвистического сексизма, происходящего из-за внутренне присущей английскому языку склонности к мужскому грамматическому роду – склонности, которая в случае Библии часто не давала или затемняла правильное понимание оригинального текста» [Ibid.]. Эта церковная организация предписала издать так называемую *New Revised Standard Bible* NRSV (Новую Исправленную Стандартную Библию), которая увидела свет в 1989 г. В данной версии реализована первый из рассмотренных нами подходов. Например, фраза из Притчей «*He who walks in uprightness fears the Lord*» («Идущий прямым путем боится Господа») была переписана как «*Those who walk in uprightness fear the Lord*» («Идущие прямым путем боятся Господа») (Притч. 14:2).

Само по себе подобное изменение не вносит новых смыслов в текст на английском и не убирает имеющиеся смыслы, поскольку грамматический мужской род здесь – это общий род, не имеющий связи с натуральным гендером (полом человека). Казалось бы, разве мы не можем принять такое крошечное изменение? Проведем, тем не менее, более тщательный семантический анализ.

Во многих местах Библии речь идет не о множестве людей, а именно об *одном* человеке, например, когда говорится об одиночестве, которое преследует или настигает человека. Версия Библии NRSV обобщает все такие случаи, не делая между ними различия и тем самым генерируя новые смыслы, не подразумеваемые библейским текстом. Так, в 38-м псалме (в английской Библии это 39-й псалом) в Библии короля Якова 1611 г. мы читаем: «*Surely every man walketh in a vaine shew... he heapeth vp riches, and knoweth not who shall gather them*» («Подлинно, человек ходит подобно призраку; напрасно он суетится, собирает и не знает, кому достанется то». – Пс. 38:7), а в NRSV Библии используются местоимения *they* и *their* (*они* и *их*). Ясно, что здесь автор псалма царь Израиля Давид подчеркивает исполненное злобы и унылое одиночество человека, который собирает сокровища только для себя и даже не задумывается о том, чтобы ими поделиться. Если мы скажем здесь *they* и *their* (ходят люди, собирают сокровища...), мы немедленно уничтожим контекст одиночества. В *Contemporary English Version* CEV (Современной Английской Библии) подмена местоимений и ряда других слов в этой цитате меняет смысл весьма серьезно: «*And it disappears like a shadow. Our struggles are senseless; we store up more and more, without ever knowing who will get it all*» («И оно пропадает, как тень. Наша борьба бессмысленна; мы собираем больше и больше и даже не знаем, кто завладеет этим»).

Иногда употребление единственного числа призвано подчеркнуть особенность отдельной личности, несводимость ее к массе людей, к толпе. Так, современный американский богослов пастор Уэйн Грудем, критикуя стратегии гендерной инклюзивности в отношении текста Библии, утверждает, что, например, евангельский стих Ин. 14:23 – именно такое место, где подстановка множественного грамматического числа на место единственного изменит весь смысл высказывания: «Иисус сказал ему в ответ: кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим» (Ин. 14:23). Грудем указывает, что, скорее всего, Христос хотел в этой фразе подчеркнуть, что Он и Отец придут и сделают душу отдельного, *данного* человека, своим домом и жилищем, поскольку именно *этот* человек достоин такой чести, а его сосед, может быть, никогда ее не удостоится. Гендерно-инклюзивная версия фразы: «*Those who love me will keep my word, and my Father will love them and we will come to them and make our home with them*» («Те, кто меня любят, будут соблюдать мое слово, и мой Отец возлюбит их, и мы придем к ним, и сделаем их нашим домом») – устраняет смысл индивидуальной тайны нисхождения божественной благодати на человека [Grudem 1998, 271].

Таких примеров в Библии предостаточно. Вот и получается, что ликвидация неявного грамматического рода за счет замены местоимений, способная перечеркнуть неявные семантические оттенки фразы, вносит значительные искажения в текст Писания.

Элиминация слова «мужчина» и устранение патриархально-семейных аллюзий

Характерно, что в Новой Исправленной Стандартной Библии NRSV везде, где это только возможно, из текста изъяты слова «*son*», «*brother*», «*father*» («сын», «брат», «отец»), поскольку ее составители посчитали, что «...репрезентация древних патриархальных отношений внутри иудейского общества не должна искажать в понимании верующих в Христа современное либеральное и толерантное отношение к дискриминируемым группам людей, в первую очередь, женщинам» [Fuchs 2008, 47].

Характерным примером данной стратегии может служить следующая строфа из пророчества Иезекииля. Слова Библии короля Якова «*And he said unto me, Son of man, stand upon thy feete, and I will speake unto thee*» («И Он сказал мне: сын человеческий! Стань на ноги твои, и Я буду говорить с тобой») (Иез. 2:1) превратились в NRSV в «*O mortal, stand up on your feet, and I will speak with you*» («О смертный, встань на ноги, и я буду говорить с тобой»). Исчезло обращение «сын человеческий», и смысл фразы стал дрейфовать от разговора Бога с ветхозаветным пророком к языческим приветственным обращениям, характерным для многих народов древности.

Обращение к человеку «О смертный!» подчеркивает не просто бессмертие говорящего, но проводит непреодолимую черту между смертным состоянием человека и бессмертным бытием того, кто обращается. Так, в гомеровском эпосе, у Вергилия, в исландских сагах, в староанглийских поэмах мы встречаем это обращение в одном и том же контексте: недолговечности человеческой жизни и подавляющего могущества языческих божеств, начиная от жителей Олимпа и кончая Одинем (Вотаном) [Мякин 2014, 433, 437–438; Calvo 2018, 368; Myakin 2018, 354–355]. Везде, когда некое языческое божество обращается таким образом к человеку, оно принижает человеческую природу, хочет раздавить человека как личность или, реже, — посмеяться над ним (как, например, в «Одиссее»). Вспомним, как бессмертная валькирия Брунгильда, героиня германско-скандинавского эпоса, приветствуя Зигмунда, начинает разговор со слов «О смертный, поднимись, и я скажу тебе твою судьбу!», желая сообщить тому о его скорой гибели, но когда Зигмунд отвергает предначертанную ему судьбу, Брунгильда перестает называть его смертным — он становится ей братом. Сходным образом в Древнем Риме во II–III вв. императоры часто обращались к подданным со словами «О смертный!», подчеркивая непреодолимую пропасть между их преходящей, смертной природой и своей божественной сущностью (см.: [Шаров 2019]).

Задумаемся: разве уместно использовать обращение «О смертный!» для контекстов, подобных упомянутому месту из пророчества Иезекииля? Во-первых, даже в ветхозаветные времена, когда, с точки зрения христианской теологии, первородный грех царил беспредельно, Бог оставлял человеку надежду на спасение; Он никак не мог провести непреодолимой черты между смертностью человека, которая была следствием первородного греха, и Своим бессмертным состоянием — вспомним хорошо известные слова из той же книги Иезекииля: «Разве Я хочу смерти беззаконника? говорит Господь Бог. Не того ли, чтобы он обратился от путей своих и был жив?» (Иез. 18:23). Во-вторых, Бог никак не смеется над человеком, тем более — пророком. Как говорит Иоанн Златоуст, смех и издевки над человеком суть удел иных сил — сатаны и падших демонов. А ведь оба этих неверных смысла усвоит тот, кто будет изучать богословие и историю по таким английским переводам Священного Писания, как Библии NRSV или CEV.

В устранении слов «*son*» и «*man*» («сын» и «мужчина») есть еще один сомнительный, с точки зрения традиционного христианского богословия, момент: обращение «*son of man*» («сын человеческий») чрезвычайно часто используется в библейских книгах, как ветхозаветных, так и новозаветных, включая Апокалипсис. Иисус Христос многожды называл себя Сыном Человеческим. Таким образом, пытаясь найти заменители для этого обращения, мы напрямую искажаем слова самого Христа [Simsky 2018].

Иногда в гендерно-инклюзивных переводах английской Библии вместо слова «*man*» («человек») используют «*someone*», «*some*», «*anyone*», «*any*», «*one*» («некто» / «кто-то») или сходные местоимения. Из «*son of man*» (Сына Человеческого) Христос

превращается в «*someone of humankind*» («некто из человеческого рода»), что, безусловно, приводит к еретическим коннотациям.

При этом слово «*son*» в ряде случаев заменяется на «*child*» («ребенок»), и «*son of God*» («Сын Божий») трансформируется в «*child of God*» («ребенок Божий»). Но Сын Божий и ребенок Божий — вовсе не одно и то же! Здесь происходит перечеркивание древнего смысла гендерно-инклюзивным новоязом. На древнем востоке только сын мог выполнять определенные социально значимые действия от имени отца, т.е. «по доверенности». Когда в священных текстах говорится «сын» или «сыны», то имеется в виду ответственность перед Богом, а когда говорится «ребенок», «дети», то подразумевается отчаянная любовь Бога к людям [Бернатоните 2017; Шмонин 2016]. Если мы выбросим все случаи употребления слова «сын», то вместе с этим выбросим смысл ответственности, которую возложил на нас Бог, и читатели таких версий Библии даже не заподозрят, что Бог не только балует нас, лелеет и качает в колыбельке, как неразумных младенцев, но и ожидает высокой степени осмысленного самопожертвования, требовательности по отношению к себе для выполнения воли Божьей — иными словами, взрослости в мыслях и поступках. Дэвид Нефф ставит вопрос ребром: если раньше христиане верили, что их спасет Сын Божий, то не верят ли новые христиане-протестанты XXI века, что спасает «Некто из человеческого рода, Ребенок Бога Отца-Матери»? [Neff 1995, 19].

Сходным образом из английских гендерно-инклюзивных Библий устранены слова «*brethren*» и «*father*» («братия» и «отец»). Вместо «*brethren*» подставляется «*brothers and sisters*» (братья и сестры), вместо «*father*» — «*ancestor*» (предок/прародитель). Логика сторонников эгалитаристской христианской проповеди и, соответственно, гендерно-инклюзивного переписывания Библии такова: в древнегреческом языке братья — *ἀδελφοί*, а сестры — *ἀδελφαί*, и если (например, в Посланиях апостолов) говорится о братьях и сестрах одновременно, то по правилам древнегреческой грамматики использоваться будет только форма мужского рода множественного числа; однако, коль скоро в английском языке женская форма грамматически не включена в понятие «*brethren*», то надо говорить «*brothers and sisters*» (братья и сестры), чего нет в Библии короля Якова, как и во всех предшествующих переводах, которые, подражая грамматическому строю греческого, «выбросили женщин» из текста Писания.

Вроде бы, все хорошо, и вреда большого от подстановки формы обращения «братья и сестры» вместо просто «братья» не видно¹, но остается один момент для дальнейших размышлений: к кому все же обращались апостолы, когда писали *ἀδελφοί*? Мы хорошо знаем, что апостол Павел выступал против женских словопрений на церковных собраниях. Говоря о посещении женщинами церковных вечеров, устраиваемых в воспоминание страданий Спасителя, он говорил: «...учить жене не позволяю... но быть в безмолвии» (1 Тим. 2:12) и «...жены ваши в церквах да молчат... если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают дома о том у мужей своих» (1 Кор. 14:34–35). Так рассматривали ли апостолы женщин в качестве прямых адресатов посланий, которые зачитывались на собрании членов церкви, или признавали, что женщинам лучше было бы обсудить поднятые вопросы в домашней обстановке, в семейном кругу? В этом случае оказывается, что греческое *ἀδελφοί* — это именно *ἀδελφοί*, а не *ἀδελφοί + ἀδελφαί*. Тогда и обращение «*brethren*» в Библии короля Якова предстанет уместным переводом, а не анахронизмом. К тому же, слово «*brethren*», восходящее к староанглийскому *brōþoru*, во многих случаях использовалось в старо- и среднеанглийском языке как собирательный термин при обозначении и мужчин, и женщин, а значит, ничем по смыслу не отличается от *ἀδελφοί*.

Самое удивительное гендерно-инклюзивное устранение из текста Библии означавших мужского рода — это замена «*father*» на «*ancestor*» или «*forebear*». Феминистская интенция представляется здесь наименее оправданной. Давайте вообразим: если мы в обычной, повседневной ситуации (и отнюдь не в шутку) вместо «*dad*», «*daddy*», «*papa*» («папа», «папуля») скажем отцу в разговоре «*ancestor*» («предок/прародитель») или «*forebear*» («предшественник») — Уверен, это будет воспринято им (и совершенно справедливо), по меньшей мере, как странность. А вот некоторые гендерно-инклюзивные Библии

предлагают говорить вместо «*our father in the heaven*» («Отец наш, сущий на небесах») «*our ancestor up above*» («наш предок где-то наверху»). Логика здесь такова: мы же не можем быть уверены, что Бог существует именно в том месте, которое называют небесами, а еще неправильно, следуя патриархальной модели, называть его Отцом.

Но если в подобных версиях Библии *Отче наш* звучит «просто» странно – «Наш Предок, существующий где-то там сверху!», – то в переводах Писания, не ущемляющих права женщин, эта молитва представляет уже ересь с точки зрения классического христианского богословия: «*our God Mother and Father up above!*» («наш Бог Мать с Отцом там наверху»). Трудно не согласиться с докторами богословия Уэйном Грудемом и Грантом Осборном, которые, критикуя подобные гендерно-инклюзивные «исправления» Писания, утверждают, что в результате в священном тексте не только появляются еретические выражения, но вообще пропадает его исходный смысл. Обычный человек, скорее всего, подумает, что речь идет о почивших родителях молящегося, которые, как тот надеется, находятся на небесах [Grudem, Osborne 1997, 31]. Эти же англиканские богословы указывают на то, что не видят проблем для женщин, если в языке ежедневных проповедей Епископальной церкви США будут использоваться местоимения «*he*», «*him*», «*himself*» и «*his*», когда необходимо передать общий грамматический род из древнееврейского, арамейского или древнегреческого.

Заключение

Сторонники гендерно-инклюзивного пересмотра тестов Священного Писания апеллируют к тому, что язык меняется со временем, отражая изменения в бытии и мышлении. Ввиду этого следует переписывать книги Ветхого и Нового Заветов, чтобы они соответствовали новым лингвистическим нормам, в первую очередь, дискурсу политической корректности.

Однако далеко не всегда мы можем считать новые, гендерно-инклюзивные английские переводы Библии аутентичными текстами, сохраняющими исходный богословский посыл оригинала, т.е. текстами, пригодными для чтения и богослужения (будь то православное или англиканское богослужение в Великобритании, США и странах Британского Содружества). Множество гендерно-инклюзивных переводов Библии и основанных на них политкорректных проповедей уже далеко ушло от исходных христианских смыслов, заложенных в священном тексте. С точки зрения традиционного богословия, Новый Завет – это не отражение того, как мы понимаем Бога, а живое слово Божие. Попытка переписать Библию в угоду чьим-либо политическим или социальным интересам – это свидетельство либо сомнения в том, что Священное Писание богодухновенно, либо полного отказа от этого положения. В ряде мест как Ветхого, так и Нового Заветов подчеркивается, что не только замысел и структура Библии, но *сами конкретные слова* являются результатом божественного откровения (Иер. 30:2, 2 Пет. 1:19–21, 1 Кор. 2:9–13, 2 Тим. 3:16). Бог пророку в ряде случаев не просто посылал видение или давал поучение, но указывал точные слова, которые тому следовало записать, отчего некоторые тексты Писания составлены так, как если бы их надиктовал сам Бог, а пророк и его ученики выполняли лишь функцию писарей, стенографов (см., напр. Ис. 8:16, Иер. 36:4, 36:32, 3 Езд. 14:37–48).

Компиляция гендерно-инклюзивных версий Библии не очень продуктивна и с чисто прагматической стороны. Понятие гендерной идентичности все время «дрейфует»: изобретаются новые гендерные идентичности, все более далекие от природной предопределенности. Вслед за ним «дрейфует» и нацеленное на политкорректность законодательство, предоставляющее права представителям новых гендерных идентичностей. Если сегодня идеологам политической корректности представляется уместным переписать Библию под права женщин и ЛГБТ-представителей, то завтра Писание уже нужно будет переделывать под права других дискриминируемых групп. К тому же, трансформация священных текстов и христианской проповеди, основанной на них, в артефакты феминной культуры поставит уже мужчин в дискриминируемое положение [Хитрук 2017].

Заметим, что не православные и не католики, а именно протестанты предались в наши дни тотальной «гендеризации» Библии и попыткам сделать современную христианскую проповедь политически корректной. Это вызывает недоумение: ведь именно в протестантской, преимущественно англиканской традиции, богословы XVI–XVIII вв. уделяли пристальное внимание самому тщательному и доскональному изучению священных текстов. Английская Библия короля Якова 1611 г. поражает точностью, предельной аутентичностью перевода с древних оригиналов и выдает в переводчиках исключительную и неординарную богословско-историческую эрудицию. Не будем забывать, что над ней трудились лучшие поэты, прозаики, философы и богословы Англии, в том числе, Уильям Шекспир, Фрэнсис Бэкон, Томас Гоббс, Джон Дэй, Джордж Чепмен, Роберт Уилсон, Френсис Марбери, Уильям Хотон и сам король Яков Стюарт, который был полиглотом и прекрасным писателем. При составлении этой версии Библии в расчет принималась не только точность перевода, но и его поэтичность, напевность, размеренность, стройность слога. В некоторых случаях даже церковнославянская и русская Библии уступают Библии короля Якова в точности и правильности передачи смысла оригинала. И вот теперь именно в рамках протестантизма происходит максимально возможное смысловое искажение Писания?²¹

С одной стороны, гендерно-инклюзивные переделки Библии – это своего рода попытка отказа от целого культурного пласта. Мы же не переписываем на «неоскорбительном» гендерно-нейтральном языке бессмертные творения Вергилия, Чосера, Шекспира, Пушкина. В сущности, это было бы тем же самым – попыткой донести до современного жителя западного нелиберального общества наследие древности, культурные памятники, переписанные на «неоскорбительном» языке. В каждом великом произведении искусства присутствует множество примеров неполиткорректного языка – более того, трудно вспомнить примеры, где бы его не было. С другой стороны, идеологи политической корректности и использования гендерно-инклюзивного языка часто утверждают, что язык Библии – это язык патриархального общества древних времен, а мы свободны рассуждать о Боге в терминах нашей собственной культуры и всеобщего эгалитаризма. Но, признавая справедливой данную точку зрения, мы должны будем отказаться от того, что называется божественным откровением. Если в рамках богословия мы хотим рассуждать о Боге, который открывает себя и свою волю человеку в своих делах и словах, то мы вряд ли можем полагать, что язык Библии – это всего лишь зафиксированное на бумаге отражение культурного, гендерного, национального, расового, сексуального или какого бы то ни было еще неравенства соответствующей исторической эпохи.

Очевидно, что некоторый религиозный смысл до читателя донесут любые переводы Библии, в том числе гендерно-инклюзивные, но мы не можем быть уверены, что переданный ими смысл будет аутентичным смыслом библейского послания. Следует заметить, что существует множество изданий Библии короля Якова, в которых при сохранении текста используется современная орфография (нет немых конечных *e*, используются современные предлоги, убраны удвоенные согласные и нет инверсии *v / u*), и эта орфография понятна даже ребенку.

Как уже было отмечено во Введении, наибольшей степени «гендеризации» подвергаются английские версии Библии и, соответственно, язык проповеди Церкви Англии и Епископальной церкви США. На втором месте идут немецкие переводы, используемые в Германии, Австрии, Швейцарии. На третьем – переводы на северогерманские языки, используемые в лютеранских церквях скандинавских стран. Александр Гомола, польский социолог, исследователь гендерно-инклюзивного языка в богословии, в заключение своей обзорной статьи «Феминистская мысль в библейских переводах» выражает надежду, что в скором будущем «...как инклюзивные, так и феминистские переводы Библии станут нормой не только в английском и немецком языках, но и, например, в португальском, испанском, итальянском или польском» [Gomola 2010, 206]. По сути, переписывание Библии на гендерно-инклюзивный язык – это удобный инструмент для реализации многих стратегий политической корректности, прививаемых гражданам стран ЕС, Великобритании, США и государств Британского Содружества.

Однако подобная тактика трансформаций Библии и соответствующего языка христианской проповеди отнюдь не безобидна. Как показывает лингвистический и семантический анализ, многие изменения радикально меняют смысл Откровения. Приходится признать, что вряд ли стоит смешивать политические и социальные программы гендерного равноправия с гомилетическим языком, богословием и церковными практиками. Библия не должна превращаться из свода священных текстов христианской религии в очередной инструмент распространения идей эгалитаризма, феминизма, ЛГБТ-дискурса и политкорректности. И здесь уместно вспомнить Эмилио Бетти, который, споря с волюнтаризмом герменевтических интерпретаций, утверждал, что смысл следует не вносить в текст, а выносить из него.

Примечания

¹ В православных церквях священник же обращается к пастве «дорогие братья и сестры».

² Безусловно, в рамках англиканства сохраняется и взвешенная точка зрения, согласно которой гендеризация Библии и современной христианской проповеди – задумка не столь хорошая, как представляется ее инициаторам [Grudem, Osborne 1997, 33].

Ссылки – References in Russian

Бернатоните 2017 — *Бернатоните А.К.* Семантика образов членов семьи в их взаимоотношениях с гостем в тексте сценария и фильме П. П. Пазолини «Теорема» // ПРАЭНМА. 2017. №. 2 (12). С. 125–145.

Воронина 2007 — *Воронина О.А.* Оппозиция материи и духа: гендерный аспект // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 56–65.

Мольтман-Вендель 1991 — *Мольтман-Вендель Э.* И сотворил Бог мужчину и женщину (Феминистская теология и человеческая идентичность) // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 91–104.

Мякин 2014 — *Мякин Т.Г.* «Мудрая» Сапфо или философия древнегреческой инициации (Сапфический фиас в свете новейших археологических и папириологических открытий) // СХОЛН. 2014. Т. 8. № 2. С. 425–444.

Хитрук 2017 — *Хитрук Е.Б.* «Мужской вопрос» в творчестве Андрея Тарковского // ПРАЭНМА. 2017. № 2 (12). С. 146–154.

Шаров 2010 — *Шаров К.С.* На темной стороне политкорректности: гендерно-нейтральный новояз // Вопросы философии. 2010. № 3. С. 30–43.

Шаров 2019 — *Шаров К.С.* Древний Рим и женщины-администраторы // СХОЛН. 2019. Т. 13. № 1. С. 106–114.

Шмонин 2016 — *Шмонин Д.В.* Античные и иудейские религиозно-педагогические компоненты в истории формирования христианской образовательной парадигмы // СХОЛН. 2016. Т. 10. № 1. С. 183–195.

Voprosy Filosofii. 2019. Vol. 6. P. 86–96

Making God Politically Correct?

Konstantin S. Sharov

In the article, gender-inclusive (or gender-neutral) English translations of the Bible are examined. The attempts to include women and representatives of non-traditional sexual orientation in the Church discourse in modern Protestantism have raised a number of serious problems, one of which is the competence of the English versions of the Bible that use the principles and norms of political correctness and inoffensive language. The object of study is as follows: *New Revised Standard Bible NRSV* of 1989; *Today's New International Version of the Bible TNIV* of 1994; *New International Version Inclusive Language NIVI* of 1995; *Contemporary English Version CEV* of 1995; *The Inclusive Bible: The First Egalitarian Translation by Priests for Equality IBFET* of 2009. As a benchmark, we used the King James' Bible KJV original version of 1611. The following strategies of gender neutralisation of the Scriptures are analysed: 1) the elimination of archaic English pronouns; 2) supersession of personal and possessive pronouns *he, him, himself, his* by pronouns of the feminine grammatical gender or plural pronouns; 3) elimination of the words "man" and denotations

of the degrees of kinship of the male gender ("father", "son", "brother", "brethren"); 4) introduction of femininity in the concept of God. These strategies have in common a desire not only to eliminate the male grammatical gender from the biblical texts, but also to reconsider the understanding of God and the divine nature. This leads to heretical conclusions from the viewpoint of Christian theology. It is demonstrated that the attempts of gender-inclusive re-writing the Scripture go in parallel with the rejection of the basic norms and ethical attitudes of Christianity within modern Protestantism, including Church of England and Episcopal Church. The author comes to a conclusion that gender equalisation of the Biblical language is unacceptable in the theological sense, as such an equalisation fundamentally changes the basic ideas of Christianity. Therefore, gender-inclusive English versions of the Bible cannot be considered as authentic sacred books suitable for reading, research, preaching and liturgical practice in both Orthodoxy and Anglicanism.

KEY WORDS: gender-inclusive Bible, political correctness, gender-neutral language, translation, Christian preaching.

SHAROV Konstantin S. – Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, 27/4, Lomonosovsky av. GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.

CSc in Philosophy, Chief Lecturer of Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University.

const.sharov@mail.ru

Received at 15 May 2019

Citation: Sharov, Konstantin S. (2019) "Making God Politically Correct?", *Voprosy Filosofii*, Vol. 6 (2019), pp. 86–96.

DOI: 10.31857/S004287440005343-2

References

Bernatonite, Ada K. (2017) "The Semantics of Family Members Images in Their Relationships with a Guest in the Script and P. P. Pasolini's Movie 'Theorem'", *ИПАЭНМА*, Vol. 4, No. 2(12), 125–145 (in Russian).

Calvo, José M. Z. (2018) "The Christ-Logos Question in Amelius", *ΣΧΟΛΗ*, Vol. 12, No. 2, 365–379.

Collins, Ken (web) "The Problem with Inclusive-Language Bible Translations", *Ken Collins Website* (<http://www.kencollins.com/bible/bible-t6.htm>, accessed on 12 October 2018).

Fuchs, Esther (2008) "Reclaiming the Hebrew Bible for Women: The Neoliberal Turn in Contemporary Feminist Scholarship", *Journal of Feminist Studies in Religion*, Vol. 24, № 2, 45–65.

Gomola, Alexander (2010) "Feminist thought in Bible translations", *Przekładaniec. A Journal of Literary Translations*, Vol. 24, 193–208.

Grudem, Wayne (1998) "A Response to Mark Strauss' Evaluation of the Colorado Springs Translation Guidelines", *The Journal of the Evangelical Theological Society*, Vol. 41, № 6, 263–286.

Grudem, Wayne & Osborne, Grant (1997) "Do Inclusive-Language Bibles Distort Scripture? Yes / No", *Christianity Today*, № 10, 26–39.

Khitruk, Ekaterina B. (2017) "'Masculine question' in the Art of Andrey Tarkovsky", *ИПАЭНМА*, Vol. 4, № 2, 146–154 (in Russian).

Lathrop, Gordon & Ramshaw, Gail (1993) *Psalter for the Christian People: An Inclusive Language Revision of the Psalter of the Book of Common Prayer 1979*, Pueblo Books, Tucson, AZ.

Minton, Ron (2003) web "Gender-Inclusive Bible Translations", *Chafer Theological Seminary Journal*, Vol. 9, № 1, 141–146 (<https://deanbible.org/dbmfiles/slides/x2012-Chafer-NTTextualCriticism-8-GenderInclusiveBibleMinton.pdf>, accessed on 30 September 2018).

Moltmann-Wendel, Elisabeth (1991) "And God Created Man and Wife (Feminist Theology and Human Identity)", *Voprosy filosofii*, Vol. 3, 91–104 (in Russian).

Myakin, Timofei G. (2014) "Wise Sappho, or Philosophy of Ancient Greek Initiation (Sapphic Thias in the Light of Newest Archaeological and Papyrological Discoveries)", *ΣΧΟΛΗ*, Vol. 8, № 2, 425–444 (in Russian).

Myakin, Timofei G. (2018) "De poetis Lesbiorum, de herma, deo fertilitatis, et de mysteriis Artemidis apud Mytilenaeos olim celebratis", *ΣΧΟΛΗ*, Vol. 12, № 2, 349–364 (in Russian).

Neff, David (1995) “Lost in the translation: Can the New Inclusive Bible’s Human One, Child of Father-Mother God, save us?”, *Christianity Today*, Vol. 39, № 2, 19.

Ringer, Wesley (web) “What are the Biblical Translation Issues Raised by the Gender-Inclusive Debate?”, *Evidence for God* (<http://www.godandscience.org/doctrine/gender.html>, retrieved on 10 October 2018).

Sharov, Konstantin S. (2010) “On the Dark Side of Political Correctness: Gender-Neutral New Language”, *Voprosy filosofii*, Vol. 3, 30–43 (in Russian).

Sharov, Konstantin S. (2019) “Ancient Rome and Female Administrators”, *ΣΧΟΛΗ*, Vol. 13, № 1, 106–114 (in Russian).

Shmonin, Dmitry V. (2016) “Antique and Hebrew Religious Pedagogical Constituents in the History of Christian Educational Paradigm Formation”, *ΣΧΟΛΗ*, Vol. 10, № 1, 183–195 (in Russian).

Simsky, Andrei D. (2018) “The Image-Paradigm of Jerusalem in Christian Hierotopy”, *ΠΡΑΞΗΜΑ*, Vol. 5, № 3(17), 101–113 (in Russian).

The Inclusive Bible: The First Egalitarian Translation (by Priests for Equality) (2009) Sheed & Ward, New York.

Voronina, Olga A. (2007) “Matter and Spirit Opposition: Gender Aspect”, *Voprosy filosofii*, Vol. 2, 56–65 (in Russian).

Ward, Graham (1994) “In the name of the father and of the mother”, *Literature and Theology*, Vol. 8, № 3, 311–327.